

Павлихин, Александр Иванович

Россия, Москва

Декабрь 2013 г.

(В сокращенном виде)

Ваше письмо глубоко задело мои чувства и заставило вспомнить то ужасное время, те годы, когда я 18-тилетним солдатом Советской Армии попал в фашистский плен. Все это коснулось меня лично. Издевательства и избиения были постоянно. Угроза расстрела висела надо мной каждый день, а таких дней и ночей было много, больше трех лет. В плен я попал на Волховском фронте 21.02.1942 г.

После недельного пребывания в промерзлом распределительном бараке я решил убежать. Мне показалось, что барак плохо охраняется. Но ушел я недалеко, далеко уйти и не мог, потому что уже был болен сыпным тифом. Потерял сознание. Очнулся я в холодном сарае, стоящем посреди заброшенного колхозного поля. В углу сарая увидел тела уже умерших пленных солдат. Пошевелившись, понял, что и рядом со мной лежат умершие пленные красноармейцы. Сам я уже был как скелет. Но молодой организм хотел жить и, несмотря на длительное пребывание без лекарств, воды и питания, я все-таки очнулся. Чтобы не умереть, нужно было заставить себя идти на работу, чтобы получить хотя бы миску баланды и кусок черного хлеба, выпекавшегося для военнопленных наполовину с опилками. Вспоминаю, как доведенный до крайней степени истощения, рискнул уйти с работы и пробрался в лагерь охранников, чтобы порыться в мусорных баках и найти хоть что-нибудь съестное. Но найти ничего не смог, и тогда влез через поддувало двери в хранилище картофеля. Набрал немного в мешок, но сил выбраться уже не было. Мешок был для меня слишком тяжелый, несмотря на то, что в нем было не более 5 кг. Высыпал я половину и тогда смог идти. Картофель спрятал в досках. Может, благодаря этому картофелю и выжил после тифа.

В бараке я спорил с такими же как я военнопленными. Я был молодой, сражался за эту власть, за Сталина, и не думал, что где-то есть репрессированные, политзаключенные, пострадавшие от коллективизации. Нашу семью, к счастью, это обошло. Я не знал тогда, что были крестьяне, которые пострадали только за то, что хотели работать и жить лучше. В общем, спорил с ними и получал пинки и оплеухи. Но на меня ни разу не донесли. А могли лишь сказать дневальному. Меня могли и расстрелять.

Это качество моего характера однажды меня чуть не погубило. Вспоминаю случай, когда после тифа я был отправлен на работу в латышский хутор. Его хозяин пошел к немцам, вступил в добровольческий отряд для охраны каких-то объектов. И он, и его племянник были явными врагами нашего государства, относились с ненавистью ко всему русскому. Однажды, сильно выпив, они решили меня проучить. Налили мне самогона. Я вообще-то непьющий, а тогда, в 20 лет особенно, да еще и голодный был. В общем, я захмелел и стал говорить о том, какая у нас замечательная страна и как скоро мы разобьем фашистов. Конечно, они не стерпели такого. Повели меня ночью в лес. Их двое да еще латышский айсорг (латышский полицейский во время войны). Поставили у ямы и несколько раз выстрелили из винтовок.

Потом привели обратно на хутор. В ту ночь я сбежал. По дороге поймали, далеко уйти я не мог. Доставили в тюрьму, а оттуда в «лагерь на песках» г. Двинска.

Ну, в лагере опять работа, голод и издевательства. Освободили меня из плена 20 апреля 1945 г. Это была уже Саксония, Цвикау, шахта Моргенштерн.

Хочу поблагодарить вас за благородное дело. Ведь советские военнопленные оказались в самом ужасном и унижительном положении. Сталин отказался от нас. К нам, советским солдатам, отношение было убийственное. Никакой Красный Крест нами не интересовался. Мы были обречены. И за то, что выжили вопреки всему, можно только Бога благодарить.

После освобождения два года служил в Чехословакии и Австрии. Вернулся в Москву. Учился, женился. Через несколько лет родилась дочь. Но еще долгие годы мне снились плен и война, иногда до кошмара. Вот сменяются поколения. Старые люди уже смягчили свои воспоминания. А ведь после войны было очень обидно, что так относились к военнопленным. Много позже нас признали участниками войны и только в последнее время нас восстановили во всех правах.

Хотел написать много, но потом передумал, сократил свое письмо. Получаются одни страдания, попытки побегов, изнурительная работа в шахте, голод. Не хочется больше это вспоминать. Вот у нас сегодня с супругой 60 лет совместной жизни. Вот это дата!

Еще раз спасибо вам. Здоровья вам и всего доброго

А. И. Павлихин